

Дачный интерьер с камином. Рядом – тахта. На креслах – чехлы. Картина стоит под стенкой, ковер свернут, на полу – гитара, у входа – два чемодана. ЮЛИЯ, ироничная, плутоватая женщина под тридцать, и ПОТАПОВ, образованец с явными признаками преуспевания, за сорок, проверяют шпингалеты, заглядывают в камин, привычно пикируются.

ПОТАПОВ. Дача упакована. Пора на зимние квартиры.

ЮЛИЯ. Присядем на дорогу.

ПОТАПОВ. В таком случае к месту и рюмашка на пошок.

ЮЛИЯ. А за руль Александр Сергеевич сядет?

ПОТАПОВ. Старший примет отходную, младшая сядет.

ЮЛИЯ. Пешка не проходит. Одной не доверишь машину, извозчика поищи на стороне.

ПОТАПОВ (*сухо*). Кстати, оба ключа от дачи прощу в карман главы маленькой, но дружной семьи.

ЮЛИЯ. Новости недели!

ПОТАПОВ. Только из туманных соображений. Чтобы в отсутствие супруга не подмывало среди зимы наведываться в эдакую даль.

ЮЛИЯ (*хитря*). Ко всем транспортным неурядицам – еще одна.

ПОТАПОВ. Хорошо скоординированные особи говорят и действуют одновременно. (*Протягивает руку.*)

ЮЛИЯ. Уважаю людей предусмотрительных, решающих проблемы задолго до возникновения таковых.

ПОТАПОВ. ...с полным сознанием тщетности предварительных попыток.

ЮЛИЯ. Требуется пояснения.

ПОТАПОВ. Нувориши не знают проблем передвижения.

ЮЛИЯ. Дорогой Потапыч, супруга ваша хоть и достаточно молода, но период нуворишей несколько минул.

ПОТАПОВ. Уважаемая Юлия Павловна, в вашей реплике сквозит прозрачный намек: на смену молодому поколению приходят мэны устоявшегося бизнеса. Задумаешься, не нанять ли частного детектива.

ЮЛИЯ. Не вижу достаточных мотивов.

ПОТАПОВ. Прошлой весной при распаковке дачи вы сами, Юлия Павловна, несколько походя, заметили, дескать, кое-что... вроде бы... не совсем на обычном месте стоит.

ЮЛИЯ. С годами, Потапыч, у вас разгулялась фантазия.

ПОТАПОВ. Рецидив поздней женитьбы.

ЮЛИЯ. Не исключено. Но ваши подозрения разлетятся от легкого вздоха огорченной женщины. Как пух одуванчика. Во-первых, не кто-то посторонний, а ваша благоверная заметила, что кое-что... вроде бы не совсем на обычном месте стоит. Во-вторых, за пять холодных месяцев нашего отсутствия можно забыть, что и где оставалось на даче.

ПОТАПОВ (*упорствуя*). На «во-первых» есть половица: на воре шапка, что? Правильно, горит. А по поводу «во-вторых» закрадывается сомнение. Кресло мы застали принципиально не на привычном месте. Летом я читаю у окна. Обнаружили мы его у камина – для зимнего чтения. А в камине остатки пепла.

ЮЛИЯ. Ход конем? Камин-то электрический!

ПОТАПОВ. Выходит, накопился нагар.

ЮЛИЯ. Электричество подключается на столбе. Сложненько для разового пользования.

ПОТАПОВ (*рад перевести на шутку*). Ради комфорта...

ЮЛИЯ. ...и телескопическую башню привезли в лимузине.

ПОТАПОВ. Звоночек – предвестник склероза. (*Полушутя.*) Не продать ли нам дачу на дальнем берегу да не купить ли рядом с домом?

ЮЛИЯ (*урезонивая*). Кстати, мне случался покупатель.

ПОТАПОВ (*насупись*). И напрашивался осмотреть на досуге.

(Юлия меняет тактику. Обнимает мужа.)

ЮЛИЯ (*передавая ключи*). Вот тебе оба ключа. Ревнивый мавр. Приедем домой, там еще два у меня припрятано. Отдам и те, только не нервничай. Я тебя обожаю.

ПОТАПОВ. Юлия Павловна, не расставляйте ловушки, вы пока что не гроссмейстер, сами в них угодите.

ЮЛИЯ (*овладев положением*). Опытному чемпиону и проиграть приятно. И оставим на даче пикировки. Домой заберем только то, что нас объединяет.

ПОТАПОВ. Нагуляное сальцо, безразличие к превратностям бытия.

ЮЛИЯ. И уверенность в себе.

ПОТАПОВ. Даже гитару забудем!

ЮЛИЯ. Гитара заметна на безлюдье. Рядом с аудио- и видеотехникой она не звучит!

Затемнение. Перезвон гитары. Шум отъезжающей машины.

ДЕЙСТВИЕ

Высвечивается окошко. С форточки исчезает стекло. Рука снаружи достает шпингалеты, открывает. Темно. Полное освещение застает в центре комнаты ТЕЛЬЦА. Это старик ближе к семидесяти с некогда присмотренным лицом и следа-

ми былого достатка в одежде... Постояв, осмотревшись, он раскатывает ногой ковер, водружает на гвоздь картину.

ТЕЛЕЦ (*напевает*).

Не беда, что Янус был двулик!
В общем-то, он жизнь достойно прожил.
Пусть он был одним лицом ничтожен,
Но зато другим лицом – велик.

Пусть в одном лице он был пройдоха,
Но в другом был честен и правдив.
Пусть с людьми он был несправедлив,
Но с Богами вел себя неплохо...

Тем временем гаснет свет. Через минуту снова включается. В интерьере добавилось две-три роскошно исполненные афиши театральных спектаклей и три фотографии: ТЕЛЕЦ в молодости в роли Гамлета, в среднем возрасте – в роли Брежнева, уже в старости – в роли Богдана Хмельницкого. ТЕЛЕЦ устанавливает магнитофон, подключает микрофон. Пробует звук.

ТЕЛЕЦ Раз, раз, раз... Кар-р-динал! Ми-мэ-ма!!
(*Поет.*)

Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что все на свете – только песня
На украинском языке...
На украинском языке...

(*Перематывает пленку, начинает запись «Воспоминаний».*) Дан Телец. Монолог под занавес.

Былое. *(Импровизирует.)* Уважаемая публика! Не спешите с аплодисментами. Занавес еще не опускается. Не подана последняя реплика, не прозвучал заключительный монолог. Перед вами старый театральный битюг, сорок пять лет слепо колесивший под софитами. Сорок пять лет не просто на подмостках, а на мостике, у штурвала Летучего голландца, переполненного неукротимыми созданиями с замашками пиратов, пустыми желудками и раздутыми амбициями. Дети природы! Если к ним прибавить вымыслы гениев: Эдипа и Гамлета, Годунова и Хмельницкого, Швейка и Шельменко, Азу и Хиврю, светлого лика нашего современника!.. Управляясь со всеми такими, имя кому – легион, трудно не вообразить себя Бонапартом и не возалкать его привилегий! *(Доволен собой, прохаживается, рычит.)* История Дана Тельца – это история режиссера, сам себя сотворившего! *(В дверь скромно стучат. ТЕЛЕЦ излишне пугается. Гасит свет.)* Проклятье! Этого еще не хватало!..

Слышен щелчок выключателя магнитофона. Вспыхивает свет. Друг против друга стоят ТЕЛЕЦ и КЛАРА. Она в потертой куртке, заношенных джинсах, в толстой шляпе из черной материи. Похожа на Беранже. У ее ног – кованный сундучок с картотекой. КЛАРА немногим моложе ТЕЛЬЦА.

ТЕЛЕЦ *(овладевая собой, с наигрышем)*. Репарка. Те же и Клара Даль. Возраст несколько больше неопределенного, на челе следы дальних странствий. Платье – с картины Рембрандта, шляпа – с головы Беранже, пятка – голая.

Если из длительного побега возвращается мужчина – это блудный сын. А если женщина? Блудница?

КЛАРА (*весомо*). Еще, еще. Да с куплетами и переплясом.

ТЕЛЕЦ. Не люблю хамства!

КЛАРА. Узнаю прежнего бонвивана...

ТЕЛЕЦ. Если тебе годить, придется концерт устроить...

КЛАРА. Еще, еще. Только по-русски. И не репликами из сыгранных спектаклей. Или на родном...

ТЕЛЕЦ. Куда уж нам за вашим красноречием! И ами-кошонством!

КЛАРА. Все такой же молодец. Знает с языка по слову, и каждое – в дело.

ТЕЛЕЦ. А ты все копишь эрудицию? Сундучок с картошкой – при ноге.

КЛАРА. Только самое необходимое. Где стоим, там и работаем. Отдельным сибаритам – не понять.

ТЕЛЕЦ. Я, грешным делом, полагал, что твоя работа продолжается где-то там, в райских кущах. И оплачивается не жалкими гривнями, а нектаром и амброзией.

КЛАРА. В эдем мне подобных не берут.

ТЕЛЕЦ. Варум?

КЛАРА. Имущественный ценз не позволяет.

ТЕЛЕЦ. И ты, после напрасных попыток, вернулась в родные доли к земным заботам. Эссеист, что в переводе на православный означает – вампир, кровопийца. Кого нынче преследуем?

КЛАРА. Я однолюб. Вас, Дан Аверкиевич.

ТЕЛЕЦ. Один роет, а другой под руку воет. Кормилась бы за счет кого-нибудь другого. Дала бы на досуге почитать.

КЛАРА. Вы – и чтение?!

ТЕЛЕЦ. Попытка задеть?

КЛАРА. Нисколько. Непроизвольный выброс. Я знала режиссеров, которые читали слишком много, знала таких, что читали мало, но чтобы совсем не читали – вы один.

ТЕЛЕЦ. Так задумано. Вечные истины сбивают с толку. Начетчики не умеют двух актеров развести на подмостках. Малочитающие болтаются между правдой и вымыслом, фальшивят там и сям. А идущие от жизни – понятны каждому.

КЛАРА. Философия – это цензурщина, которой можно покрыть что угодно.

ТЕЛЕЦ. Не перестаю удивляться, как это я, предусмотрительный и категоричный человек... Я правильно выражаюсь?

КЛАРА. Дотяните мысль до конца.

ТЕЛЕЦ. Я, уважаемый и не без связей, позволил этой, ничем не примечательной, лишенной обаяния женщине, в миру устроиться на моей творческой шее, спустить ножки и жить за счет пасквилей на меня.

КЛАРА. Напомню ваши давние слова. Всякой позиции требуется оппозиция, всякому Мартыну – свой Омелько.

ТЕЛЕЦ. Я говорил такое?

КЛАРА. Порыться в сундучке?

ТЕЛЕЦ. Не стоит. Здорово сказано. Вся теория конфликта в двух словах.

КЛАРА. Я появилась вместе с появлением новой необходимости в нашем сотрудничестве.

ТЕЛЕЦ. Цумбайшпиль?

КЛАРА. Вы туманно изрекаете, я грамотно фиксирую.

ТЕЛЕЦ. Вроде литературной записи? Гм... Для тебя это род сублимации. Знакомо, знакомо. Не дал Бог счастья в миру – сотворю его на бумаге. А что мне из этого?

КЛАРА. Пустите поближе к себе.

ТЕЛЕЦ. У меня беспорядок. Хотя и поэтический. Я связан договорами, работаю. Не приглашаю. Нет, не приглашаю. Отвык от настырных и непоследовательных... Как славненько было: исчезла опека на десяток лет. Признаюсь, рад был. И слухов не ловил. И вдруг врываются в такой медвежий уголок, где самому себя найти невозможно.

КЛАРА. Интерьер мало напоминает келью. (*Осматривается.*) Любимец муз в привычном окружении. Афиши, портреты, программки.

ТЕЛЕЦ. Нечасто, однако, и недоброжелатели бывают правы.

КЛАРА. Полеживаете, проникаете в образный строй бытия.

ТЕЛЕЦ. Как это тонко подмечено!

КЛАРА. А блага на вас по-прежнему сыпятся пушинками, падают комьями снега, потом ложатся сугробами.

ТЕЛЕЦ (*иронично*). Справедливей и лучше не скажешь.

КЛАРА. Румяны и чреваты, как и в годы расцвета...

ТЕЛЕЦ. Как и сорок лет назад при нашем первом, доброй памяти, сотрудничестве, как и двадцать лет тому при нашем изысканном и широкогласном разбрате. Однако от тебя и ныне не отделаться!

КЛАРА. Как от судьбы.

ТЕЛЕЦ. И все пронюхиваешь, внедряешься, что ухватишь, тащишь в сундучок, а потом на полосы газет.

КЛАРА. Заклинило. Заметки-однодневки приелись. Поняла свое заблуждение. Полагала мишуру – шумами, сопутствующими творчеству, отходами производства. Поняла, что на сегодняшний день не дело главное, а все, что около, – мишура. На нее уходят силы... Дороги, опоры, перспективы – все утонуло в мишуре. Мишура стала альфой и омегой, смыслом существования. Вы, Дан Аверкиевич, гроссмейстер мишуры. Вы перестали творить даже для вида...

ТЕЛЕЦ (*зло*). Утверждение, достойное провидца. Но заблуждение. На днях ваш преследуемый выдал премьеру. Последний писк моды, неоклассика. Зрители с кресел падают, рецензенты в восторге. Аргументировано, не в пример некоторым.

КЛАРА. И блага на вас – прежним снегопадом. Теперь уже от спонсоров, за личные услуги?

ТЕЛЕЦ (*в пику*). К славе – деньги, к деньгам – любовь. Все то, чего тем же некоторым недоставало в течение всего земного бытия. Едем зи зайне, как выражаются за бугром. Могу поделиться открытием, автор перед тобой. Об имидже мужчины судят по отношению к нему женщин. А? Круто?

КЛАРА. К Адаму Бог привел одну Еву и сказал: «Адам, выбирай себе жену». А к вам артисточки – самотеком. Одних официальных жен – четыре. Удивляюсь, как вы при эдакой занятости успевали еще и репетировать.

ТЕЛЕЦ. Зависть не может быть двигателем натуры.

КЛАРА. Иное дело – алчность!

ТЕЛЕЦ. И это зафиксировано в картотеке?

КЛАРА. Для мнений и выводов сундучок тесен. Вмещает только факты.

ТЕЛЕЦ. И только нелицеприятные. Человек опасен не тем, что он изрекает, а тем, что он скрывает. В сундучке – особенно.

КЛАРА. Рано или поздно тайное становится явным.

ТЕЛЕЦ. Предмет ваших интересов, Клара Тимофеевна, то есть я, живет на юру. Со всей структурой его бытия: мыслью, словом, деянием. (*Широкий жест в сторону афши.*) Задумал – появляется анонс, сказал – реклама, сделал – дагерротип.

КЛАРА. Та часть айсберга, которая для публики.

ТЕЛЕЦ. Для нее, родимой.

КЛАРА. Только глупый ничего не оставляет для себя. Для поддержки, так сказать, органического существования.

ТЕЛЕЦ. Поддержкой нужных людей занимается общество.

КЛАРА (*едко*). Из своих скромных возможностей выделяет четырехкомнатную квартиру на четверых. И закрывает глаза, когда в нарушение конструкции дома пробивается капитальная стенка для оборудования пятой комнаты. И достройкой, и ремонтом занимаются бесплатно, в рабочее время смерды из подчиненных...

ТЕЛЕЦ. Надо мной живет генерал, подо мной – генеральный директор, и оба проделали то же самое.

КЛАРА. В двух кварталах от вас живут слесаря, водители, нянечки. По пяти-семи человек в лачуге с частичными удобствами...

ТЕЛЕЦ. Им не повезло.

КЛАРА. А вам повезло даже удовлетворить каприз супруги, четвертой и слишком молодой. Вы выбили однокомнатную в малосемейке и отселили туда престарелую мать. Тесно ей было в пяти...

ТЕЛЕЦ. Из моих благ не упусти гараж в кооперативе.

КЛАРА. Почему только в кооперативе? Другой во дворе театра. Служебную машину, ту, что ходит загонять зрителей в зал, вы отправили под дождь, а свою – в тепленький бокс.

ТЕЛЕЦ. И дачу в пригороде...

КЛАРА. На сегодняшний день выходит – две. Одна в пригороде, а вторая – у черта на куличках. Вот она.

ТЕЛЕЦ. Перечень закончен? (*Умолкает на полуслове.*) И все это зафиксировано в картотеке?

КЛАРА (*немо хохотнув*). На кое-что отсутствуют документы.

ТЕЛЕЦ. Весьма рад...

КЛАРА. Отсутствуют не только в моем сундучке, но и в вашей шкатулке. *(Снова смешок.)*

ТЕЛЕЦ. Ну и оскал!

КЛАРА. Господин режиссер, это ремарка: коварная улыбка Иуды.

ТЕЛЕЦ. По-моему, на сегодня все.

КЛАРА. Еще вопрос. Можно?

ТЕЛЕЦ. На посошок. И – бекицер!

КЛАРА *(нарочисто медленно)*. Каким образом изгнанный уже из третьего города режиссер, приехавший проситься к нам на хлеба, человек, уже однажды, двадцать лет тому назад, уволенный даже нашим велекорыстным начальством за корыстолюбие... каким чудом этот мастер сцены, живя официально на гроши из зарплаты режиссера и актрисы, в течение шести лет обзавелся столь солидным состоянием?

(Пауза. КЛАРА ковыряется в замке сундучка.)

ТЕЛЕЦ *(настороженно)*. Что ты там забыла?

КЛАРА *(простодушно)*. Где?

ТЕЛЕЦ. В этом черном ящике!

КЛАРА. Хочу посмотреть, не забыла ли...

ТЕЛЕЦ. Что?

КЛАРА. Аргументы.

ТЕЛЕЦ. Давай-давай, да поубедительней! *(Клара открывает сундучок. Артистично достает бутылку. ТЕЛЕЦ жует облегченно.)* Плутовка!

КЛАРА. Где тут рюмашки?

ТЕЛЕЦ. Обойдешься.

(КЛАРА находит стакан и чашку.)

КЛАРА. Выпьем... *(Трогательно.)* Со всей святостью...

ТЕЛЕЦ (*после паузы*). После... некоторых стрессов... я зарекся... (*КЛАРА демонстративно наликает себе. Смачно пьет.*) Ты зачем явилась, Клара?

КЛАРА. В картотеке обнаружены лакуны. Нужны сведения из первых уст.

ТЕЛЕЦ. И первые уста – мои?

КЛАРА. Разумеется.

ТЕЛЕЦ. Мои уста для тебя сомкнуты.

КЛАРА. Спрошу по-вашему: варум?

ТЕЛЕЦ. Не хочу, чтобы из твоей картотеки мои сведения перекочевали на полосы бульварной газетенки.

КЛАРА. Вы запомнили, Дан Аверкиевич. Пять минут назад я сказала, что не пишу для газет.

ТЕЛЕЦ. К чему же заполнять белые пятна в сундучке.

КЛАРА. Я имею право на свою тайну?

ТЕЛЕЦ. Нет.

КЛАРА. Сверх ожидания!

ТЕЛЕЦ. Ты графоманка, не пачкать бумагу ты не можешь!

КЛАРА. Резонно. Я пишу книгу.

ТЕЛЕЦ (*тупо*). О ком?

КЛАРА. Узок круг моих интересов! Кто-то, кажется, Леонов, сказал, что всякий человек имеет право на одну книгу. О себе. Я использую это право на книгу о вас.

ТЕЛЕЦ. Кажется, Леонов говорил о воспоминаниях о прожитой этим человеком жизни.

КЛАРА. Я и пишу о прожитой вами жизни. Я прожила вашу жизнь.

ТЕЛЕЦ. Шизик в юбке!

КЛАРА. В джинсах.

ТЕЛЕЦ (*взрывается*). Да хоть и голая! Не смей!

КЛАРА (*как бы не слыша рева*). Выпьем за легкое перо.

(Настырно наливает в стакан.)

ТЕЛЕЦ. Перестань! Выплесну! *(КЛАРА наливает в чашку.)* Подавишься!! *(Забегал, хватается за что попало.)* И так сообщает на голубом глазу. Пресечь...

КЛАРА. Вы о чем?

ТЕЛЕЦ. О твоей книге.

КЛАРА *(глубоко)*. А куда же списать сорок лет – курочка по зернышку? Не живешь, а подбираешь, не клюешь, а складываешь. И прячешься со всеми шпаргалками, как с паршивой болезнью...

ТЕЛЕЦ. Клара, у тебя климакс...

КЛАРА. Давно миновал. Скорее, маразм.

ТЕЛЕЦ. Клара, я приютил тебя в трудные для тебя дни!

КЛАРА. Сорок лет прошло, а я все вынашиваю благодарность.

ТЕЛЕЦ. Я для тебя должность в театре придумал!

КЛАРА. Три года и три месяца кормилась...

ТЕЛЕЦ. Я тебя на гастроли брал!

КЛАРА. В первый и последний раз жила в готеле, одна в номере...

ТЕЛЕЦ. Возил на молодежные празднества в лес!

КЛАРА. В первый и единственный раз познала любовь...

ТЕЛЕЦ. А ты всюду таскала за собой этот сундучок, а в нем картотеку... Я тебя кормил, а ты меня описывала!

КЛАРА. Графоманка... виновата...

ТЕЛЕЦ. И окакивала!

КЛАРА. Это уж вы сами себя, Дан Аверкиевич!

ТЕЛЕЦ. Уверен, только сплетни, и ни слова об искусстве!

КЛАРА. Об искусстве только ленивый не пишет. Меня интересует мишура. Замшелые, пошлые традиции, фаль-

шивый пафос, попустительство властей и алчность мелких сошек... Пользование имени театра в корыстных интересах... Взгляд на актрису из-за кулисы...

ТЕЛЕЦ. Взгляд на актера из-за забора!

КЛАРА. Взгляд на мэтра, как на недомерка!

ТЕЛЕЦ. И нашла материал под рукой?

КЛАРА. И уступить его другому – грех. *(Обходит ТЕЛЬЦА как экспонат.)* Вы же мастер театральной мишуры. Гений!

ТЕЛЕЦ *(взрываясь)*. Отдай сундучок!

КЛАРА. Вам он ни к чему.

ТЕЛЕЦ. Я тоже собираю материал. О себе. Автобиография – это не то, что ты прожил, а то, что ты выдумал. Афоризм мой!

КЛАРА. Трижды перелистав картотеку, вы ничего подходящего для иконописной биографии маэстро не найдете.

ТЕЛЕЦ. Ага! Только сплетни! Я огражу себя...

КЛАРА. Частокол не поможет.

(ТЕЛЕЦ захлопывает сундучок, забирает, бутылку тоже.)

ТЕЛЕЦ. Все. Конфискован. Картотеки у тебя нет.

КЛАРА. У меня есть дубликат.

ТЕЛЕЦ. Где?

(КЛАРА выразительно щелкает себя по темени.)

КЛАРА. В голове.

ТЕЛЕЦ. Я оторву твою голову вместе с картотекой!

КЛАРА. Кто же продлит вашу популярность?

ТЕЛЕЦ. Ложной популярности мне не надо!

КЛАРА. Повторите.

ТЕЛЕЦ. Я не нуждаюсь в фальшивой популярности.

КЛАРА. Другой у вас никогда не было.

ТЕЛЕЦ. Мои спектакли... пресса... Имя!

КЛАРА. К старости принято мудреть. Спектакли – на потребу власти предержавших. Из перечня, рекомендованного недоучкой из министерства культуры. Оглянитесь на некоторые из них. На афиши! *(Оба, словно впервые, смотрят на афиши.)* Классика... уводящая от разрухи и произвола... работа на новый культ... национальная конъюнктура.

ТЕЛЕЦ *(надламываясь)*. Но как поставлено!

КЛАРА. Поставлено по канонам режиссерской грамматики. Хрестоматийно!

ТЕЛЕЦ. Мои артисты были другого мнения. Пресса отмечала!

КЛАРА. Артисты принадлежат режиссеру по субординации. К тому же те, с кем вы работали в провинции, лучшего не знали. Пресса всегда была продолжением и выражением духа власти предержавших.

ТЕЛЕЦ. Стоп! Замри! Не ты ли выписывала кренделя вокруг моих премьер? Не ты ли буйными словесами оправдывала всякую мою поделку!

КЛАРА. У меня свойство: влазить в шкуру образа, как артист, чтобы постичь то дерьмо, в котором обречена кувыркатся.

ТЕЛЕЦ. И вот так втиралась в службу и дружбу, ради познания? Вкручиваешь! Виляешь теперь. Ты вилава! Знаешь, что такое вилава? Это эдакое гнутое дерево, эдакий ползущий, извилистый ствол!

КЛАРА. Можно, я запишу, чтобы не забыть?

ТЕЛЕЦ. Пожалуйста! Ты всегда записывала мое, а выдавала за свое. И я всегда держал тебя за бездарность. Ты никогда не понимала сути момента. Если бы я откльо-

нялся от общепринятого в верхах и привычного для низов, кто бы меня держал в театре?

КЛАРА. О чем и речь.

ТЕЛЕЦ. Ко мне ходили.

КЛАРА. К вам загоняли. Борзовики, профсоюзники. Штат держали при театре – загонщиков. Много лет загоняли. Вы даже привыкли, это стало нормой. Парадигмой, как вы любите вворачивать!

ТЕЛЕЦ. Но случался смех. Аплодисменты!

КЛАРА. Парадигма.

ТЕЛЕЦ. Почетные звания!

КЛАРА. Парадигма!

ТЕЛЕЦ. Заклинило? Ничего не скажешь больше!

КЛАРА. Почему же! Например: звание заслуженной получила каждая из ваших четырех жен.

ТЕЛЕЦ. Тоже надо уметь!

КЛАРА. О, да, гроссмейстер мишуры.

ТЕЛЕЦ. Недаром тебя вышвыривали из газет!

КЛАРА. Ровно на два случая меньше, чем вас из театров.

ТЕЛЕЦ. Меня возвращали снова.

КЛАРА. Однажды. Когда некому было ставить поделку о коллективном подряде или фальшивку о местных партизанах, которых никогда не существовало.

(ТЕЛЕЦ садится на сундучок. Жест на дверь.)

ТЕЛЕЦ. Вон!

КЛАРА. Я не все сказала.

ТЕЛЕЦ. Закончишь за дверью. Ты всегда выглядела умнее, когда тебя спускали с лестницы.

КЛАРА. Моя картотека!

ТЕЛЕЦ. Она мне пригодится. Для моей книги. *(КЛАРА исчезает. ТЕЛЕЦ тяжело дышит. Сползает с сундучка,*

открывает его. Манипулируя пятерней, достает одну карточку, читает.) «Январь, семьдесят восьмой год. «Малая земля» по Л. Брежневу. Инсценировка Д. Тельца. Достоинство: сценография. Глубокие воронки, в них солдаты, живые и мертвые. Роль военврача хорошо исполняла вторая жена Тельца. Недостатки: нелепый газетный текст. Спекуляция святой памятью о павших ради превознесения вождя...» *(Швыряет карточку.)* Проститутка! *(Достает другую карточку, читает.)* «Декабрь, девяносто третьего года. «Золотые россыпи» по В. Винниченко. К автору инсценировки приписана фамилия Тельца, причем первой. Постановка Тельца, художественное оформление – Тельца. Примечание: Дан не умеет держать карандаш в руке. Гоноرار получен и за инсценировку, и за постановку, и за эскизы, которых не было. Период упадка власти. Художественный совет разогнан, управление культуры – на чемоданах, помещение театра за огромную взятку сдано под ночное казино. Спектакль прошел всего три раза. Рецензентам перекрыли дыхание. Узнать, с кем поделился взяткой Дан». Блядь! *(ТЕЛЕЦ швыряет карточку в сундук, манипулирует над ним с закрытыми глазами. Выхватывает бутылку. Раздумывает. Наливает, пьет. Утирается рукавом. Наливает второй раз. Со смаком пьет. Ходит по кругу, снова напевает знакомое):*

Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что все на свете – только песня
На украинском языке.

(Включает магнитофон, берет микрофон, записывает.) В театре режиссер обязан быть сильным. Атлант, удерживающий небо. И отец с добром, и палач с топором. В первой и в последней инстанции он – истина. И всегда в

форме. Прима может позволить себе насморк, трагик – алкоголь, субретка – заявление об уходе. Режиссер на подобные выходки должен смотреть как на детские шалости. Казна лишит его дотации, спонсор – помощи, зал зияет пустотой – он репетирует, требует полной отдачи. Ни тени отчаяния, ни слова жалобы. И правда – в глаза каждому. *(Пауза.)* Однако все мы люди. И у всякого подкатывает под горло. Хочется поплакаться, хотя бы в жилетку. В театре нельзя – столп, Атлант ведь. Дома тем более – жена моложе... и актриса. И как же, после соплей, полезешь к ней в постель!?! *(Пауза.)* Живет в мире и молитве старушка. Полстолетия хлопотала от зари до зари, полола свеклу между лесополос. Пичужкой в клетушке приютилась на окраине города. Открывает окошко с видом на акваторию – и прячется от холода, смотрит на садик и не видит его. Девяносто лет. Накопишь печали – приходишь к ней. Сядешь в углу и не смеешь высказать. В полутемной комнатке – ей ведь все равно – топает от печки к столу, угощает допотопными варениками, щебечет только хорошее. Рассказывает лучшие из своих снов. Что она теперь видит, кроме снов? Привирает о суставах, которые сегодня ну ни капельки не ломают, о кашле, что уже прошел. В прошлый приход тоже аккуратно унялись суставы и кашель миновал... Разве скажешь такой о своих горестях! О пинках критиков, настороженности начальства, капризах молодой жены?! Не сбросив стресс, не отmaterившись, возвращается в актерский котел... или домой, что не лучше... Накапливается, разбухает все дурное. Куда бы его?! *(Оставляет микрофон. Делает круг.)* В качестве компенсации. У-у! Двойное существование! *(Выключает магнитофон. Идет к двери. Отворяет.)* Заходи! *(После короткой паузы с достоинством входит КЛАРА.)* Наливай! *(С тем же достоинством КЛАРА наливает.)* И себе. Выпьем на брудершафт.

*(Сплетаются полными чарами, сплетают
руки, пьют.)*

КЛАРА. Со всей святостью.

ТЕЛЕЦ. Скажи мне – ты.

КЛАРА. Ты.

ТЕЛЕЦ. Ты – задница.

КЛАРА. Ты – задница.

ТЕЛЕЦ. Ты – пасынок агронома из слобожанской провинции.

КЛАРА. Ты – пасынок агронома из слобожанской провинции.

ТЕЛЕЦ. Ты впервые увидел театр в восемнадцать лет...

КЛАРА. ...и решил, что это самый легкий хлеб.

ТЕЛЕЦ. Одни бежали из крепостного колхоза через военные училища, другие – через службу комсомолу и партии...

КЛАРА. Ты порядочней. Ты бежал по призванию, через служение музам.

ТЕЛЕЦ. Ты выдержал конкурс, помогли румянец и певучесть...

КЛАРА. ...и всеобщие сточения матери в церкви, и ежедневные – у двери приемной комиссии.

ТЕЛЕЦ. Минута откровений!

КЛАРА. Правда, одна только правда, ничего, кроме правды.

ТЕЛЕЦ. Потом другие бегали по халтурам, разгружали вагоны, целовали девчонок...

КЛАРА. На халтурах тебе нечего было показать, кормила тебя все та же мать, девчонки тебя не замечали. Это тебя удручало и стимулировало. Ты ходил за педагогом по пятам, с пиететом повторял его заурядные мудрости...

ТЕЛЕЦ. ...впитывал азы театрального ремесла навечно...

КЛАРА. ...был чистым листом и страшно боялся вернуться в сельское запустение...

ТЕЛЕЦ. ...оставили на кафедре режиссуры, ассистентом...

КЛАРА. ...сиречь, мальчиком на побегушках...

ТЕЛЕЦ. ...три года спустя направили постановщиком в провинцию...

КЛАРА. ...при известном упадке режиссуры...

ТЕЛЕЦ. ...назначили главным! Потом – художественным руководителем!

КЛАРА. ...при малой толике везения и при полной оснащённости театральной мишурой – в провинции и Фома – человек!

ТЕЛЕЦ (*в том же патетическом тоне*). Я таки тебя задушю!

КЛАРА (*в тон ТЕЛЬЦУ*). Не стоит портить песню.

ТЕЛЕЦ. Как перед алтарем – только факты.

КЛАРА. Первый. Еще на практике ты узнал, что генерал-драматург за первую постановку его пьесы дарит легковую машину. Разумеется, из довременно списанных в его дивизии. Ты поставил поделку генерала, воспел Тухачевского, проявив завидное невежество относительно его деяний. Расстрел кронштадтцев из пушек, отравление газом тамбовских крестьян, не желавших колхоза... Бог тебя наказал. Эта мерзость, пьеса генерала, раньше пошла в другом театре – ты не получил машину.

ТЕЛЕЦ. Пропускаю мимо ушей.

КЛАРА. Но ты убедился, что с театра можно выжать кое-что, если пуститься во все тяжкие... В первую бытность в нашем городе ты придумал историю о юношах-партизанах в недалеком полулеске. Подсунул руководству комсомола. При дефиците на героинку местные вожди возили из сел зачумленных крестьян в автобусах. Смотрите

на земляков ваших: патриоты, герои!! Потом каждое лето вся областная верхушка ездила на маевки в лесок. Бочонки вина, мангалы, блядюшки! На оргиях посаженный отец – ты. Красиво говорил тосты...

ТЕЛЕЦ. Врешь!

КЛАРА. Я знаю, кто тебе писал эти тосты!

ТЕЛЕЦ. Клевета!

КЛАРА. Мороз, ветер и солнце заспорили, кто раньше разденет девушку...

ТЕЛЕЦ. Сорок лет спустя можно плести все, что придет в склеротическую голову. Свидетелей не сыщешь.

(КЛАРА затыкает ему рот полным стаканом.)

КЛАРА *(с мокрыми глазами)*. Кое-кто там... познал... единственный раз... плотскую любовь...

ТЕЛЕЦ. *(Долго пьет, цепенеет. Шепчет.)* Ты, что ли?..

КЛАРА. У ночного костра он сказал в пространство: «Прогуляемся». В пьяном гаме никто его не слышал. Только та, что слушала только его. Он поднялся с карачек и пошел. Она, не выжидая даже для приличия, пошла следом. Он шел и мычал. Есть пьяные, не способные из слов составить фразу, есть не умеющие из звуков сложить слово. Он с трудом исторгал звуки... В двух десятках шагов от костра, от гурьбы, которая уважала ее и побаивалась... за колючим кустарником... он развернулся, сгреб ее за косички и повалил на кипу опавших листьев. Без текста, без зернышка в клюве. Она цеплялась за кружку в собственной руке, обливалась вином, не справлялась с телодвижениями, просила, то ли «оставь», то ли «не оставляй» и ...помогала ему избавиться от лишнего на теле... Приходила в такой восторг, что не чувствовала первой боли...

ТЕЛЕЦ *(вымороченно)*. Ты, что ли?..

КЛАРА Как ни печально.

ТЕЛЕЦ *(после паузы)*. А он кто?

КЛАРА Ты.

ТЕЛЕЦ. ...Я догадывался.

(Телец топает по кругу, КЛАРА невольно включает магнитофон.)

ГОЛОС С МАГНИТОФОНА. Проклятье! Этого еще не хватало! *(Повтор.)*

ТЕЛЕЦ. Выключи магнитофон!!

(Клара поспешно выключает магнитофон.)

ТЕЛЕЦ. И это у тебя в картотеке?

КЛАРА. Кому это интересно? Пьяное надругательство, надлом судьбы... или, скажем так, единственная минута украденного счастья, – не фиксируется. Из всей той эпохи в сундучке есть документ о присвоении тебе Державной молодежной премии. С выдачей круглой суммы.

ТЕЛЕЦ *(идиотски)*. Значит, не напрасно я тех!?

КЛАРА. И тех и этих. *(Пауза.)* Эти о тебе здорово писали, а те представляли. *(Пауза.)* Ты правда забыл?

ТЕЛЕЦ. Что?

КЛАРА. Пикник на обочине.

ТЕЛЕЦ. М-м-м... у-у-у...

КЛАРА. Не тужись. У тебя их было, ну, более сотни, не вспомнить. Это у меня – единственный... не забыть.

ТЕЛЕЦ. Про сотню сама собрала?

КЛАРА. Только в порядке психологического опыта. В юности человек был лишен всего этого, обижен. В зрелости компенсировал с избытком. По старику Фрейду.

ТЕЛЕЦ (*вздыхнул*). Никогда не думал, что и ты в том числе. Вот так... с кружкой в руке... ушла в кусты...

КЛАРА. Вопреки всем моральным проповедям...

ТЕЛЕЦ. ...сгреб за косички, хваталась за кружку навесу... дальше...

КЛАРА. Дальше все, как до исторического материализма. (*Пауза.*) Только для меня эта песня до сих пор звучит...

(ТЕЛЕЦ подходит к портрету Гамлета.)

ТЕЛЕЦ. Чтобы познать себя, надо уединиться.

КЛАРА. Или встретить череп Йорика. Или хоть раз подняться над собственной планкой.

ТЕЛЕЦ (*стряхивая забвение*). На раз может поднять случай. А вот зависнуть над планкой на сорок лет – дано избранным.

КЛАРА. Скромность не позволяет мне возразить.

(ТЕЛЕЦ переходит к портрету Брежнева.)

ТЕЛЕЦ. ...И в нужную минуту почувствовать, на что растет спрос.

КЛАРА. И где пахнет конъюнктурой, чтобы подороже продаться.

ТЕЛЕЦ. Тебя трудно заподозрить в приверженности к истине. Потому позволь проигнорировать твою слабую выходку.

КЛАРА. Некоторые слабые вынуждены выглядеть сильными. Например, хорек, застуканный в курятнике.

ТЕЛЕЦ (*теряя терпение*). Если в лоб, то этот хорек тасовал людей как карты в колоде.

КЛАРА (*с подтекстом*). И сдавал.

ТЕЛЕЦ (*снова вспыхнув*). Прошу без грязных намеков!

КЛАРА. За карьеру у нас принято платить.

ТЕЛЕЦ. Не всегда. Вот ты бескорыстно ходишь за мной десятилетиями. Даже теряя заработок в ином месте, теряя лицо?

КЛАРА. Уж очень оригинальный тип. Сказать круче: типичный оригинал. Ради выигрыша подсунет крапленую карту отцу родному.

ТЕЛЕЦ. Допотопные понятия!

КЛАРА. Не нахожу равноценной замены. Игрок из замшелого театра, приспособивший сценические приемы к бытию! Каждый жест, интонация, пауза. А этот гонор, это показное достоинство, когда сам знаешь, что – фертик, мыльный пузырь! И все ему обязаны...

ТЕЛЕЦ. По-твоему, лучше таскать на закорках чувство вины перед всеми и вся? Сударыня, как живет с такой обузой?

КЛАРА. Это вселенская проблема.

ТЕЛЕЦ. В природе только гармония и нет проблем. Проблемы создаются людьми и людей же доканывают.

КЛАРА. Потому-то ты никогда ничем всерьез не занимался. Заслуженный деятель!

ТЕЛЕЦ. Занимался собственной судьбой. Это ли не предназначение всякого и каждого? Коль уж правда и ничего, кроме правды, то ты щупаешь недалеко от истины. В институте другие изучали ремесло, попутно халтурили, любили. Халтуру и любовь я отложил. Ремесло изучил как среду обитания. А вот поле охоты вокруг ремесла, мишуру, как ты выражаешься, – освоил досконально. В этом мое открытие. Как делать имидж, что у нас дозволено художнику... околотеатральное пространство, двойная бухгалтерия, стоимость охов и ахов престарелых дур, выгоду от пропаганды идей... И делал ходы, принуждавшие чиновников делать ответные. Они учуяли, что перед ни-

ми не Ванька из провинции, а нужный им прохиндей. Я – им, они – мне.

КЛАРА. Ради этого открестился от всего, что не приличествует в их круге. От земляков, от родного языка, от матери.

ТЕЛЕЦ. Какая мать не потерпит ради единственного сына!

КЛАРА. Поменял свое имя на псевдо.

ТЕЛЕЦ. Что делать! Условия игры, реклама. На «Гамлета» в постановке Дана Тельца пойдут. Телец не просто звезда, целое созвездие. Вильям Шекспир – Дан Телец!

КЛАРА. Разумеется, кого заманит твое настоящее имя? Ты хоть не забыл свое настоящее имя?

ТЕЛЕЦ. Не хочешь ли ты мне его напомнить?

КЛАРА. Я должна...

ТЕЛЕЦ. Я не услышу.

КЛАРА. А я громко!

ТЕЛЕЦ. Затыкаю уши!

КЛАРА. Я во всю глотку! Ты не Дан Телец! Ты проще. Ты – Даныло Тэлыця! Да-ны-ло! Тэ-лы-ця!! Телка!

ТЕЛЕЦ. В твои годы у людей склероз. Они забывают такие мелочи.

КЛАРА. Крещеное имя – мелочь?

ТЕЛЕЦ. Люди по обе стороны рампы хотят иметь над собой исключительную личность. Имя, отдающееся эхом. Они получили все такое и позволили карать и миловать себя на подмостках.

КЛАРА. Разумеется, кто позволит карать себя какой-то телице. Вот Тельцу!!

ТЕЛЕЦ. Театр – это вседозволенность режиссера. Отсюда поклонение. Женщины – как косули тропкой на водопой, начальство через улицу раскланивается...

КЛАРА. Напившись, да раскланявшись, да узнав истинное имя маэстро, те и другие выталкивают его из города.

ТЕЛЕЦ. Хамка! Свидетельствую без картотеки – хамка! Из одного города выпирают, тут же в другой приглашают. В твой, Богом забытый, спустя двадцать лет после скандала, пригласили по новой. Да на каких условиях – карт-бланш!

КЛАРА. Тут уж ты распоясался! Гарем устроил прямо в кабинете, взятки брал долларами, шмотками, борзыми щенками! Полпомещения за взятку сдал под ночной клуб!

ТЕЛЕЦ (*торжествуя*). С молчаливого согласия начальства.

КЛАРА. Они позволили тебе многое, ты стал позволять себе все!

ТЕЛЕЦ. Спешил жить. Дали власть, не сказали, надолго ли.

КЛАРА. Вот что такое – из хама – пан!

(КЛАРА наотмашь бьет ТЕЛЬЦА по лицу. Он сгребает ее за волосы. Волтузятся, бьют друг друга коленками. Гаснет свет. Драка и выкрики продолжаются.)

ГОЛОС ТЕЛЬЦА. Ах ты ж бездарь!

КЛАРА. А ты Тэлыця, яловая тэлыця!

ТЕЛЕЦ. С городом справился, а уж с тобой!..

КЛАРА. Как низко пал город, если ним помыкают тэлыци!

ТЕЛЕЦ. Я до тебя доберусь! Где косички? Где все это?!

КЛАРА. Дудки! Второй раз не получишь!!

(Внезапная пауза. В темноте исподволь звучит нежнейший дуэт.)

Ой, гыля, гыля, гусоньки, на став!

Добрый вечер, дивчыно, бо я ще й нэ спав!..

(Включается свет. Невдалеке друг от друга пригорюнились ТЕЛЕЦ и КЛАРА и душевно поют.)

КЛАРА. Ой, нэ спав, нэ спав, та й нэ буду спаты.
ТЕЛЕЦ и КЛАРА. Дай жэ мэни, дивчыно, повэчэраты!..

(Упоительно, красиво поют старики.)

КЛАРА *(сладко потягиваясь)*. Тебе знакома фамилия Кречет?

ТЕЛЕЦ *(начав и прервав зевок)*. Не припомню...

КЛАРА. Вернее, псевдоним – Кречет?

ТЕЛЕЦ. Не хочу напрягаться.

КЛАРА *(с намеком)*. Еще один псевдоним...

ТЕЛЕЦ *(запевая)*.

Ой, у поли три крынычэнькы.

Любыв козак тры дивычэнькы.

КЛАРА и ТЕЛЕЦ.

Чорнявую та биявую,

Трэтю руду, препоганую.

Ой, чорнявую та биявую,

Трэтю руду, препоганую.

КЛАРА. Этим Кречетом подписаны доносы в Комитет госбезопасности с шестьдесят седьмого по восемьдесят девятый год. Можно пухлый том издать.

ТЕЛЕЦ. Сексот, что ли? *(Запевает.)*

А чорняву вик любыть буду,

А к биявий зальцяюся.

КЛАРА и ТЕЛЕЦ.

А з рудою, препоганою

Пиду в церкву, повинчаюся.

А з рудою, препоганою

Пиду в церкву, повинчаюся.

КЛАРА. Так чей это псевдоним для внутреннего пользования? Кречет? Из театральной ауры?

ТЕЛЕЦ *(довольно безразлично)*. Мадам, вы становитесь назойливой.

КЛАРА. Причудливым образом этот Кречет перекочевывал из города в город вослед за моим добрым знакомым.

ТЕЛЕЦ. За мной, что ли?

КЛАРА. Так чей псевдоним?

ТЕЛЕЦ. Получается, мой. *(Поет.)*
Половина тых садив цвитэ,
Що нэ рано розвиваэться.

КЛАРА и ТЕЛЕЦ.

Одна пара прысягаэться,
А другая побыраэться.
Одна пара прысягаэться,
А другая побыраэться...

КЛАРА. Бог сотворил тебя совершенным, но открыл в тебе роковой порок. Исайя.

ТЕЛЕЦ. Корыта ради...

КЛАРА. Стоит ли разбитое корыто стольких подлостей?

ТЕЛЕЦ. Философия задним умом.

КЛАРА. Человек наивно полагал, что у него в театре карт-бланш. А над ним – сонмище чертей. Идеологический отдел, управление культуры, финансисты, пресса... И в каждой живой клетке – Комитет госбезопасности. Человек запутывается, со всеми сотрудничает, всем лжет, всех боится. И все скрывает. Со временем задумывался, прежде чем называл свое подлинное имя... и оно подлинным не было.

ТЕЛЕЦ. Я правил коллективом...

КЛАРА. Тебя эксплуатировали даже артисты. Дай мизансцену, психофизическую задачу, реплику. Отпусти по мнимой болезни, прибавь копеечку на бездарность. А уж молодые актрисы! Еще с улицы пронюхивали про похотли-

вость худрука. Как-то устраивалось: каждая попадала к тебе на прием в выходные, когда театр пустовал. Юбочка покороче, глазенки поискристей, вся сочится и звенит. Маэстро запускает удочку с рюмашкой вместо блесны, с прибаутками и повторами. Этот репертуар накатан смолоду. Она притворится пьяной, впадет в минутную слабость. И состоялось прослушивание да прощупывание. Если в первый приход не выгорало, у старого кота хватало терпения высиживать до следующего раза или следующей претендентки. Когда же номер проходил, актриса зачислялась, получала роли. У мэтра – пунктик: маниакально обязательный перед потаскушками. На четверых из прошедших кабинет он женился... И всякий раз – жуткие переживания, не узнали бы в стенах храма искусств. Эдакий ритм: пакость – переживания, пакость – переживания, пакость – переживания...

ТЕЛЕЦ. Ну и сучка ты!

КЛАРА. Ай лав ю, и с этим тебе придется смириться.

ТЕЛЕЦ. Уж лучше слушать твои поклепы, чем признания.

КЛАРА. Продолжим. Человек полагал, что он колпачит начальство. Выкачивает квартиру, машину, туманит всевидящие очи и тихо грабит театр. Голуба! Им выгодны были твои грехи. Ты им нужен был грязненьким, чтобы вести их идеи. А послушался, тыкался невпопад или просто приедался – тайные приятели Кречета подавали хозяевам такой материальчик, что ты, не пикнув, подавал в отставку. Невежды-начальники знали про тебя все.

ТЕЛЕЦ. Они про меня, а я про них. Мы были квиты.

КЛАРА. Не знаю, не знаю. На сегодняшний день они расквитались с тобой, отправили на пенсию аккурат в тот день, когда первая героиня театра, с твоей подачи заслуженная, обожаемая твоя четвертая – выставила тебя за дверь. Систематизировала твои грешки, устроила сканда-

лус-грандиозус и выставила тебя вот с этими плакатами. Магнитофон ты выкрал.

ТЕЛЕЦ (*глухо*). Роковое совпадение...

КЛАРА. Спасибо, не тщишься опровергать.

ТЕЛЕЦ. Порох кончился...

КЛАРА. Сочувствую. Слишком много зарядов потрачено на мишуру, а еще больше на попытку утаить то, что утаить невозможно.

ТЕЛЕЦ. Хочешь сказать, что обо мне говорит народ?

КЛАРА. Не обольщайся. Город стоит в очередях и догоняет трамваи. О тебе не говорят, а перешептываются, и не город, а горстка прохиндеев, с которыми ты якшался, и простаков, от тебя пострадавших. То есть те, от кого ты рад скрыться. И кто тебе не кинет даже сухаря.

ТЕЛЕЦ (*не без страха*). Вот так я и помру...

КЛАРА (*утешая*). Помрешь.

ТЕЛЕЦ. И никто не придет на мои похороны...

КЛАРА. Придут. На похороны придут многие.

ТЕЛЕЦ. Не вижу логики...

КЛАРА. Надо же людям убедиться самим. И облегченно вздохнуть.

ТЕЛЕЦ. Клара, я начинаю тебя бояться.

КЛАРА. Значит, созрел. (*Резко.*) Чья это дача?

ТЕЛЕЦ. Моя.

КЛАРА. А если порыться в мозгах?

ТЕЛЕЦ. Сказал же, устал!..

(КЛАРА достает из сундучка карточку.)

КЛАРА. Мы в Гарусном. Дача сто семнадцать. «Дача сто семнадцать принадлежит Потапову Юрию Петровичу, бывшему начальнику комбината, совладельцу совместного предприятия... так-так, шестьдесят второго года рожде-

ния... Жена, Юлия Павловна, семьдесят пятого... любовница Ярыгина Р.Ф., торговка движимым»... Это уже неважно.

ТЕЛЕЦ *(слабо)*. Я снял дачу.

КЛАРА. Снял через форточку? Оставь ребячиться.

ТЕЛЕЦ *(зло)*. Занял самовселением. Тайно! Я давно задумал уход из дому! Разведаль, опробовал, остановился на сто семнадцатой! Мне плевать на то, что ты это знаешь!

КЛАРА. Разумеется, разумеется. И я не хочу добавлять тебе огорчений. Только вот еще одна твоя, скажем так, тайна.

ТЕЛЕЦ. Мне уже как-то все равно.

(Грузно укладывается на тахте у камина.)

КЛАРА. Дан! Данило Оверкович!

ТЕЛЕЦ *(отворачиваясь к стенке)*. Вон!

(Свет постепенно меркнет.)

КЛАРА. У меня информация в одну строку.

ТЕЛЕЦ. Женщина! Тебе не кажется, что ты пинаешь лежачего?

(В неверном свете людей едва видно.)

КЛАРА. Ты рвач и вор... я из кожи лезла – берегла себя...

ТЕЛЕЦ. Тебя уже нет в комнате.

КЛАРА. Мне тоже жить негде... и не на что... Остался один сундучок. Открою крышку – у людей откроются глаза... Показала издателю – не стал читать, нет бумаги в издательстве. Почитала прокурору – это оказалось детским лепетом по сравнению с его миллиардными делами. Нашла тебя, поизгалялась. И для тебя – комариный укус. Ты наказан больше. И поделом! Обирал-то самое незащищенное, уязвимое... искусство... надежду изморожденных, убежище нагих и сырых... Мне не жаль тебя...

(Не забирая сундучок, КЛАРА идет к двери.)

ТЕЛЕЦ. Прощай!

КЛАРА. Мы виделись в последний раз...

ТЕЛЕЦ. И слава Богу... *(ТЕЛЕЦ тяжело поднимается, подходит к КЛАРЕ, шмыгает носом.)* Ты забыла документы.

КЛАРА. В них больше нет нужды...

ТЕЛЕЦ *(сдерживая плач)*. Вся жизнь ведь...

КЛАРА. Чья? Какого-то Дана Тельца? *(Тоже шмыгает носом.)*

ТЕЛЕЦ. Моя.

КЛАРА. Ты – Даныло Тэлыця. Хлопец со слобожанского села. Ты знать не знаешь мерзостей Дана Тельца. Ни мишуры, ни театра вообще...

ТЕЛЕЦ. Спасибо...

КЛАРА. Возвращайся.

ТЕЛЕЦ. Где меня ждут?..

КЛАРА. Мама...

ТЕЛЕЦ *(отрицательно качает головой)*. Пусть хоть мама доживает в неведении.

КЛАРА. Боже, как ты прост!

ТЕЛЕЦ *(огорошен)*. Не может быть!

КЛАРА. Может.

ТЕЛЕЦ. В мой последний приход...

КЛАРА. ...когда ты присел у ее порога...

ТЕЛЕЦ. ...и заливал о несуществующей премьере, о падающих с кресел зрителях...

КЛАРА. ...мама уже знала о твоём изгнании из театра...

ТЕЛЕЦ. ...и об уходе от жены?

КЛАРА. Да.

ТЕЛЕЦ. И виду не подала... Про сон... про суставы рассказывала...

КЛАРА. Мамы нас щадят.

(ТЕЛЕЦ садится на сундучок.)

ТЕЛЕЦ. К ней я не пойду.

КЛАРА. Ничего лучшего я предложить не могу.

ТЕЛЕЦ. Неужели в старости у всех так? Было – и вдруг нет.

КЛАРА. Я знаю только твой и мой опыт. У нас так. Впрочем, у тебя – было, у меня – и не было и нет.

ТЕЛЕЦ. Тебе легче. *(ТЕЛЕЦ горестно напевает шутиливую песенку.)*

Як умэр Саврадым та й на лавци лэжыць,
Його жинка Саврадымка по горилочку бижыць.
И горилку нэсэ, и музики вэдэ –
О, тепер-то, Саврадымэ, нэ боюся я тэбэ!

(Пока ТЕЛЕЦ напевает, меняется освещение. КЛАРА исчезает. ТЕЛЕЦ сидит на сундучке. Достает из-под себя одну карточку, читает.)

ТЕЛЕЦ. Мнение артиста Шумейко. «Весь профессионализм Тельца заключается в его умении упростить пьесу, психофизическую задачу, действие до дроби – одна-вторая. Потому у него всегда выходило: полумысль, получувство, полупоступок... Все от его характера...» *(ТЕЛЕЦ швыряет карточку на пол.)* Артист Шумейко – полуумок! *(Достает из-под себя другую карточку. Читает.)* «Классификация критика Стогова. Телец режиссировал в пяти театрах, однако творчество его разделяется на четыре периода. Первый: комедия плаща и шпаги. Амплуа первой жены – субретка. Второй период – фольклорный: вторая жена – исполнительница народных песен и танцев. Третий период – героический или монаршеский. Третья жена обладала могучим голосом и кривыми ногами, играла королев, цариц,

знать – только бы платья подлиннее. Четвертый период – эротический. Совсем молодая четвертая жена, не находя удовлетворения дома, требовала ролей совратительниц и отводила душу публично... Где уж тут пробиться общественным болям и собственной мысли. Творческое лицо маэстро – зеркальное отражение лица его насыщенной супруги». *(ТЕЛЕЦ рвет карточку, швыряет на пол.)* Критик Стогов – импотент! *(Достаёт целую горсть карточек. Читает.)* Вторая жена... Зритель... Ах, вот, бывший секретарь обкома... Спившийся Бочкин... «Телец – человек примитивный и прозрачный. Мы его раскусили еще в первые годы работы у нас. И пользовали. Он переоценил свои возможности, шагнул в наш круг – изгнали. Почему пригласили двадцать лет спустя? Вспомните тот период. Наша власть трещала по швам. Могли прийти настоящие демократы. Мы изобрели надежный способ бороться с ними изнутри. Подбирали выходцев из простолюдин, побездарней, с рыльцем в пушку, служивших нам официально и подспудно. Расставляли их по малым командным постам, щедро одаривали, да так, чтобы они запоминали руки одаривших. Пришли демократы и оставили этих выходцев из низов на их должностях. Естественно, выходцы не умели и не хотели трудиться, как то подобает в демократическом обществе. Воровали, лгали, бездельничали... Телец, к примеру, спустил театр под бордель. А мы, не без сочувствия, указывали демократам: видите, господа, без нас вы ни на что не годны... Телец – всего лишь ослик в нашей упряжке...» *(ТЕЛЕЦ сминает карточки, разбрасывает. Странно смеется и слабеет на глазах.)* Скоты!! Сволочи! Мало я у вас высосал...

Гаснет свет, звук брошенной посуды. Пауза.
Тиканье часов. Дальний топот стада, мычание коров, крик петуха. Щелчок арапника. Падение чего-

то деревянного. Треск рвущейся материи. Колыбельная песня: «Люли-люли-люли, налэтилы гули, стали на воротах в червонных чоботях...». Свист ветра. Раскат грома. Бой часов с кукушкой.

ЭПИЛОГ

Прошло много времени. Часы, может быть, дни. Гул приближающейся машины. Пауза. Резко включается освещение. Ворохом лежат афиши, козлами портреты, сундучок и магнитофон – на боку. Микрофонного кабеля слишком много, он опутал комнату. Под кучей из бумаги и тряпок ТЕЛЕЦ не виден. Стоят запыхавшиеся ПОТАПОВ и ЮЛИЯ.

ПОТАПОВ. Смотри, что унесено.

ЮЛИЯ. Похоже, не унесено, а принесено.

ПОТАПОВ. Радуетесь, что застали не то, что ожидали?

ЮЛИЯ. Придется тебе переориентировать твои подозрения. Если все это дело рук любовника, то слишком буйного, не в моем вкусе.

ПОТАПОВ. Городская свалка.

ЮЛИЯ. На свалке случаются ценные вещи.

*(ЮЛИЯ хочет коснуться афиш, ПОТАПОВ
останавливает.)*

ПОТАПОВ. Позволь! Ни к чему не прикасайся, это заготовки для поджога дачи.

ЮЛИЯ *(иронично)*. Загляни в камин, там огонь. *(ПОТАПОВ бросается к камину. Смущается.)* Что, холодно?

ПОТАПОВ. Любишь ты смаковать свои удачи. Как бы ты смотрелась, окажись на даче гость!

ЮЛИЯ. Гостя не оказалось. *(ПОТАПОВ хочет присесть на замусоренную тахту и в страхе вскакивает.)*
Что тебя бросает! Брезгуешь?

(ПОТАПОВ приподнимает бумагу – отступает.)

ПОТАПОВ. Тут голова...

ЮЛИЯ. Есть голова, должны быть ноги.

ПОТАПОВ. Не умничай!

(ЮЛИЯ поднимает вторую афишу – открывается ТЕЛЕЦ.)

ЮЛИЯ. Гость есть!

(ПОТАПОВ и ЮЛИЯ разбежались по углам.)

ПОТАПОВ. Ни с места!

ЮЛИЯ. Ты кого пугаешь? Он спит.

ПОТАПОВ. Сбегай за ружьем.

ЮЛИЯ. В город?

ПОТАПОВ. В машине. За задним сиденьем.

ЮЛИЯ. Может, лучше позвонить в милицию?

ПОТАПОВ. И ждать до второго пришествия?

ЮЛИЯ. Кликнуть соседей?

ПОТАПОВ. Тю!! *(ТЕЛЕЦ открывает глаза, тяжело поворачивает голову, спускает ноги. Сидит молча.)* Я при оружии!

ЮЛИЯ. Он смирный. *(ТЕЛЬЦУ.)* Ты кто?

ТЕЛЕЦ *(мычит, потом по-украински):* Даныло Тэлыця...

ЮЛИЯ. Это фамилия такая? *(Вдруг смеется.)* Любоничек!

ПОТАПОВ. Юлия, не выходи за рамки!

ЮЛИЯ *(не умея сдерживать смех)*. Прости. Уж очень ископаемо все это. *(ТЕЛЬЦУ)*. Ты откуда? Не понимаешь? От-ку-да ты?

ТЕЛЕЦ. Из Слобожанщины...

ЮЛИЯ. Гастролер!

ПОТАПОВ. Прежде грабили горожане, теперь пошла деревня. Да черт-те откуда!

ЮЛИЯ *(не унимаясь)*. Далекое тебя занесло! Рэкетир!

ПОТАПОВ. Юлия! *(ТЕЛЬЦУ)*. Где компания? *(ТЕЛЕЦ тупо смотрит.)* Не мог же ты, дряхлый старикан... Как забрался внутрь? *(Пауза.)* Ты что, глухонемой?

ТЕЛЕЦ. Даныло Тэлыця...

ЮЛИЯ. Нам его подкинули. При большевиках подбрасывали новорожденных, теперь подбрасывают отходных. *(Толкает ногой портрет в роли Гамлета.)* Но зачем в придачу этот мусор!?

(ТЕЛЕЦ тянется прижать к себе портрет.)

ЮЛИЯ *(ПОТАПОВУ)*. Теперь ты умничаешь. *(Присматривается к изображению.)* Датский принц Гамлет. *(ТЕЛЬЦУ)*. Твой?

(ТЕЛЕЦ отодвигается с портретом.)

ПОТАПОВ. Он из Слобожанщины. Ему до лампочки, как звали принцев в средние века! И обитали ли такие в природе!

ЮЛИЯ. Он – бомж, а бомжи бывают весьма нахватанные.

ПОТАПОВ. Говорит же, из деревни. Злодей в первом поколении, не успел ассимилироваться в предместье, а ты ему – классику!

(ЮЛИЯ поднимает портрет Брежнева.)

ЮЛИЯ. Вот современник. *(Читает под портретом.)*
«Дан Телец в роли Леонида Брежнева».

ПОТАПОВ *(ТЕЛЬЦУ)*. Ты хоть знаешь, что этот уже не правит?

ТЕЛЕЦ. Я... талант...

ЮЛИЯ *(прыснув)*. Кто он?

ПОТАПОВ. *(заражаясь ее настроением и сдерживаясь)* Он – талант! *(ТЕЛЬЦУ)* Разумеется. Нам не подбросят бездарность. *(Разгребая афиши ногами.)* Вон какими фантиками обложился!

ЮЛИЯ *(тупо)*. То... я... *(Посмотрев поочередно на ТЕЛЬЦА и на портрет.)* Хорошо гример поработал! Из Даныла Тэлыща сделал Дана Тельца! Даныло Тэлыща!

ПОТАПОВ *(читая надписи на афишах)*. Тут и артист Тэлыща, и режиссер и драматург Тэлыща, и художественный руководитель. Целый скотный двор! *(ТЕЛЬЦУ)*. Это все ты? *(Указывая на портрет Хмельницкого.)* И это – ты?

ТЕЛЕЦ. Я...

ПОТАПОВ *(подмигивая Юлии)*. А в Наполеонах ты не ходил?

ТЕЛЕЦ *(всхлипнув)*. Ходыв...

ПОТАПОВ. Эдак мы дойдем до Цезаря!

ТЕЛЕЦ. Так...

ПОТАПОВ. Поймет и дилетант, откуда сей талант.

ЮЛИЯ. Однако мусорник специфический, не титечки да попочки. Культура его периода.

ПОТАПОВ. Культура! Деревня к нам толпится со своей культурой. Немытая шея, мат, язык не осваивают и в третьем поколении... Лобачевского с Лобановским, а свое с чужим путают!..

(ЮЛИЯ останавливает разошедшегося мужа.)

ЮЛИЯ. Все это забавно. Однако надо что-то предпринимать.

(ЮЛИЯ направляется к двери.)

ПОТАПОВ. Ты куда?

ЮЛИЯ. Вызову милицию.

ПОТАПОВ. Идея. Но уже признана неудачной. Допросы, протоколы. Повесят старика на нас.

ЮЛИЯ. Скорую помощь?

ПОТАПОВ. Скорая нынче слишком медленная. Обойдемся своими силами.

ЮЛИЯ. Что ты предлагаешь?

ПОТАПОВ. Вещи, скорее всего, ворованные. Обыскать и выдворить.

ЮЛИЯ. Вернется. Бомж ведь.

(ПОТАПОВ усаживается напротив ТЕЛЬЦА.)

ПОТАПОВ. Мил человек, из каких палестин тебя принесло? *(Пауза.)* Сосредоточься. Куда тебя подбросить со всем твоим добром?

ЮЛИЯ *(полушепотом, ПОТАПОВУ)*. Тут, в полумиле, желтый дом. Он явно оттуда.

(ТЕЛЕЦ тяжело поднимается.)

ТЕЛЕЦ. Я... йду..

ЮЛИЯ. Вот и хорошо, вот и умница.

ПОТАПОВ *(останавливая ТЕЛЬЦА)*. Куда... вы?

ТЕЛЕЦ. На Слобожанщину...

ПОТАПОВ. Минуточку, я что-то потерял нить.

ЮЛИЯ. Ты ее и не держал. Все в порядке. Идет человек, пускай идет. На Слобожанщину? – может, ему там нравится?

ПОТАПОВ. Юля, сядь.

ЮЛИЯ. Не усложняй ситуацию. Человек заплутал. Маленько побродил, дошло, что в гостях хорошо, а дома лучше. *(ТЕЛЬЦУ.)* Иди, иди, милый.

ТЕЛЕЦ. Угу... Йду...

ПОТАПОВ *(решившись)*. Минуточку... Слышишь, Тэльця, я тебя подвезу.

ТЕЛЕЦ. Куды?

ПОТАПОВ. Не беспокойся... приютят...

ЮЛИЯ *(категорично, ПОТАПОВУ)*. Не мудри. Следуй, куда сказала.

ПОТАПОВ *(ЮЛИИ)*. Юлия, не так открыто. *(ТЕЛЬЦУ)*. Сядь... Сядьте. Подумаем. Тут рядом... вот сударыня знает гостеприимный дом...

(ЮЛИЯ ступает по афишам к двери.)

ЮЛИЯ. Только уж – ради Бога! *(ТЕЛЕЦ приближается к портретам, прощально смотрит.)* Вишь, привык к фантикам. *(Сминает и бросает прочь афишу.)*

ПОТАПОВ. В багажнике у меня рюкзак.

ПОТАПОВ выходит. ЮЛИЯ, брезгливо взглянув на ТЕЛЬЦА, следует за мужем. ТЕЛЕЦ один. Исподволь берет по одной афише, рвет, аккуратно складывает. Берет портрет, рвет, аккуратно складывает... Немой монолог. Со слезой. Контрапунктом звучит затейливая песенка:

«Як умэр Саврадым та й на лавци лежыть,
Його жинка, Саврадымка, по горилочку бижыть...»

КОНЕЦ